

УДК 368.01 (06)

РЕФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ПЕНСИОНИРОВАНИЯ И ОТНОШЕНИЯ КОММУНИТАРНОСТИ И СОЛИДАРНОСТИ

© 2012 г. * А. В. Харченко, ** О. В. Бондаренко

**Отделение Пенсионного Фонда России по Ростовской области, г. Ростов-на-Дону
**Шахтинский институт (филиал)
Южно-Российского государственного технического университета (НПИ)*

В представленной статье авторами рассмотрены современные тенденции развития института пенсионирования во взаимосвязи с отношениями коммунитарности и солидарности.

Ключевые слова: пенсионная реформа в России; институт пенсионирования; философия коммунитаризма и солидарности; «смешанная экономика» социального обеспечения; развитие сообществ (community development); рынок как политика; межпоколенные отношения.

In the article authors review some nowadays tendencies in the pension fixation institute's development, related to the community development and solidarity relations.

Key words: pensioning reform in Russia; institution of pension fixation; community development and solidarity philosophy; social security's «mixed economy»; community

С постепенным переходом к глобальному постиндустриальному обществу существенно модифицируются условия функционирования систем социальной защиты населения, вызывая настоятельную потребность реформирования института пенсионирования. Современная Россия, занимая особое место в глобальном мировом пространстве, всегда находясь в поиске своего собственного пути, тем не менее, не остается в стороне от процесса, который, по всей видимости, носит более общий характер, связанный с общими проблемами развития человека и общества. Данные проблемы на современном этапе конкретизируются континуальным пространством демографического перехода и встраивания механизмов социальной защиты в институциональную среду национальных экономик. Как показывает анализ эволюции института пенсионирования, выйдя из латентной фазы архаического традиционализма дележно-коммуналистических отношений древнейших обществ, и, появившись открыто в период осевого времени в форме социального преце-

дента не связанного с проблемами возраста и защиты, а скорее с лояльностью и служением государству (договор с наемниками пергамского правителя Эвмена I и «Pension» за воинские заслуги Ю. Цезаря), на пути к экономической институционализации, обрастая важным социальным звучанием, он склонен порождать финансовые проблемы бюджетного характера. По всей видимости, не случайно через несколько столетий после появления феномена, возникают проблемы схожие с современными. Не случайно и то, что поиск путей их решения, почти всегда уходил в реформирование правил и использование общественных практик коммунитарной, солидарностной идеологии. Суть проблем, активная фаза развития которых наблюдается сегодня — это поиск путей и механизмов превращения социальной частности в экономическую всеобщность/рыночный институт, в которой, как бюджетное реформирование, так и философия коммунитарности и солидарности, занимают ведущие места. Особый интерес в данном процессе приобретает ана-

лиз экономического поведения его основных акторов. Особенность состоит в том, что если со стороны социальных характеристик этого феномена его можно описывать как отношения господина и бенефициария (как и было в период появления прецедента, как и сохранение возможности такого подхода в современных условиях), то с позиций экономико-социологических, его следует описывать в поведенческих аспектах большего числа игроков, участвующих в обеспечении его функционирования и достижения результатов. Экономическая основа такого подхода в современном обществе связана с тем, что пенсия во многом утрачивает характер бенефиций и всё больше ассоциируется даже не с выплатами, а с амортизационными начислениями за использование социального, интеллектуального и человеческого капитала личности в период возрастной активности, но реализуемой долями в поздние периоды жизни. Моделью поведения в этом случае, на наш взгляд, являются отношения по схеме принципал-агент. Причем такой порядок функционирования обеспечивают большие группы институциональных и физических акторов, с широким, и порой противоречивым спектром интересов

и форм экономического поведения в рамках «смешанной экономики» социального обеспечения, контуры которой обозначаются в 70-е гг. XX в на основе выявившихся пределов налоговых изъятий для пенсионирования и приобретают явное очертание в условиях реконструкции форм социальной поддержки пожилых, характерной для начала XXI в. (см. табл. 1).

Институт пенсионирования и возникающие новые пенсионные системы и механизмы все больше трансформируются в рынок пенсий и пенсионных услуг. Взаимодействия акторов на этом рынке все больше приобретает черты рыночного поведения. Трактовок взаимоотношений и стратегий поведения может быть много — и в рамках бенефициарных, пратерналистских отношений, и в рамках концепции «принципал-агент», и особенно в рамках подхода «рынка как политики»: политико-культурного подхода к рыночным институтам [3; 4]. Традиционные классические системы социальной защиты, как структуры, которые на десятилетия закладываются растущие обязательства формировались в условиях, когда возможности наращивания налоговых доходов казались неограниченными

Таблица 1

Акторы института пенсионирования в постиндустриальном обществе [1; 2]

«Смешанная экономика» социального обеспечения		
таксон	контент	контрфорс
Главные агенты — Paternal/агент (the principal-agent problem)?	Государство / welfare state	первый сектор / государство традиционное
	Рынок / экономические структуры	второй сектор / обязательное и добровольное социальное страхование
	Гражданское общество добровольческий сектор / «community» — мир различных ассоциаций, объединений, сообществ	третий сектор / юридически оформленные общественные бесприбыльные организации, имеющие статус негосударственных или некоммерческих организаций (НГО/НКО)
	Неформальные объединения/ очень часто также относят к «community»	носители коммунитарной, солидарностной идеологии / семья, соседство и местные сообщества
Субъект — бенефициар/ принципал?	Пенсионер / страхуемое физическое лицо, которому предназначен денежный платеж	носитель социального, интеллектуального и человеческого капитала / потребитель частных и общественных благ

ными, а обязательства были скромными. Пока удавалось наращивать налоговые поступления, это противоречие можно было игнорировать. В настоящее время идет поиск смешанных, гибких способов решения социальных проблем (welfare pluralism) в форме переоткрытия семьи, соседства и местного сообщества. Формируются процессы развития ресурсов семей, новый тип семьи и новая экономика сервиса. Современные семьи включаются в новый тип экономических отношений — экономику обслуживания, которой управляет семья, но совершенно по-новому. Формируются процессы трансформации централизованного обеспечения государством к фрагментированному обеспечению поддержки на местном уровне. Делается новый акцент на личную ответственность за свое здоровье и благосостояние, возникает движение к превентивной политике в сфере здоровья, «развитие сообществ» (community development). Все это как нельзя лучше вписывается в концепцию рынка как политики, где рынки — социальные конструкции, отражающие уникальную политико-культурную комбинацию акторов и нации, создание рынков подразумевает решение на социетальном уровне проблем прав собственности, структур управления, концепции контроля и правил обмена, конкретных способов таких решений множество, и каждый из них может обеспечить выживание акторов. При этом важны взаимосвязь государства и рынков, а также характер действий, приводящих к различным результатам.

Процессы вхождения института пенсионирования в рынок особенно рельефны в развитых странах. В России, где трудовое пенсионное обеспечение рабочих не насчитывает и восьмидесяти лет, а колхозников — чуть более пятидесяти лет, как патерналистские настроения, так и коммунитарные и солидарностные функции семьи чувствовались всегда, и не утратили своего значения поныне. В Советской России пенсия начиналась с характеристик лояльности и выслуги перед властью (пенсионеров по старости в 1940 году в Советском Союзе было всего пять процентов). Сегодня трудовая пенсия является единственным источником материального обеспечения 80% пенсионеров. Слово «пенсионер» (см. табл. 2) у большинства ассоции-

руется не со старостью (21%), а с бедностью (58%), при очень высоком проценте патерналистского понимания сути пенсии (89%) и принципа «солидарности поколений» (44%). Необходимость смены нынешней пенсионной системы сформировалась только у 13%. Единства понимания цели заявленных изменений нет (вопрос 4, таблица 2), но сохраняется лояльность к пониманию намерений власти (вопрос 5, таблица 2). Конкретика полученных результатов говорит о том, прежде всего, следует определить настроения в отношении коммунитарности и солидарностных функций семьи и разных её поколений. Социально-экономические трансформации и резкое изменение условий жизни в России обусловили серьезные изменения в сфере брака и семьи, а, следовательно, и межпоколенных коммунитарных отношениях. Середина 1990-х гг. стала поворотным пунктом трансформации традиционных моделей брачно-семейного поведения [5; 6; 7; 8], и, следовательно, межпоколенных отношений связанных с положением старших поколений, в основе которых лежала трансформация моделей демографического поведения населения, а движущей силой этих изменений называют процесс второго демографического перехода [9; 10; 11; 12]. Признаки, заставляющие говорить об этом, действительно имеют место, и они могут оказывать влияние как на брачно-семейные модели, так и на отношения к пенсионерам и способам их защиты и решения проблем. Основные итоги исследовательского проекта «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ — 2007) подтвердили наличие характеристик второго демографического перехода в России, хотя и в начальных стадиях [13]. Для завершения второго демографического перехода в России потребуется еще достаточно много времени, так как почти три четверти населения, находящиеся между средним и низшим классами, являющимися лидерами этих процессов, не выразили значимой поддержки инновационным моделям поведения в сфере брачно-семейных отношений. Это важный вывод, так как реформа пенсионного страхования, развивается в русле тенденций этого перехода и ориентируется на общемировые характеристики.

Таблица 2

**Выборочные результаты анкетирования в рамках инициативного проекта
«Пенсионная реформа в России в условиях трансформации системы социальной
защиты населения», 2012 г.**

контент	Σ	%
Какие ассоциации у Вас вызывает слово «пенсионер»?	521	100,0
<i>Старость</i>	111	21,3
<i>Бедность</i>	306	58,7
<i>Отдых</i>	25	4,8
<i>Свободное время</i>	29	5,6
<i>Время заняться внуками</i>	48	9,2
<i>Другое</i>	2	0,4
Является ли на Ваш взгляд, пенсия как источник материального обеспечения пенсионера, непосредственной обязанностью государства перед гражданином?	530	100,0
<i>Да</i>	470	88,7
<i>Нет</i>	35	6,6
<i>Не обязательно</i>	19	3,6
<i>Затрудняюсь ответить</i>	5	0,9
<i>Другое</i>	1	0,2
Как Вы думаете, справедлива ли существующая сейчас пенсионная система основана на принципе «солидарности поколений»?	530	100,0
<i>Да</i>	232	43,8
<i>Нет</i>	151	28,5
<i>Затрудняюсь ответить</i>	138	26,0
<i>Другое</i>	9	1,7
Как Вы относитесь к мнению, что современная российская «пенсионная система в существующем виде больше не может «сохраняться», поскольку исчерпала себя, и от неё вообще следует отказаться:	527	100,0
<i>Отказываться не стоит, хотя и есть проблемы</i>	182	34,5
<i>Нынешняя пенсионная система может оставаться жизнеспособной</i>	65	12,4
Правильная стратегия состоит в поддержании постоянного соотношения между длительностью работы и заслуженного отдыха после завершения работы	73	13,8
<i>Только менять</i>	86	16,3
<i>Пусть все остается как есть</i>	41	7,8
<i>Затрудняюсь ответить</i>	78	14,8

Окончание таблицы 1

Другое	2	0,4
Какие цели, на Ваш взгляд, преследует государство, проводя пенсионную реформу?	888	100,0
<i>Пенсионные выплаты гражданам РФ</i>	225	25,4
<i>Обеспечить достойную старость пенсионерам</i>	178	20,0
Стабилизировать ситуацию, учитывая демографический кризис	187	21,1
Искоренить «черные» заработные платы	143	16,1
Привлечь дополнительные инвестиции в экономику страны	130	14,6
Другое	25	2,8

Общие сведения об анкетированных								
Возраст			Образование			Категория		
	Σ	%		Σ	%		Σ	%
от 25–34	86	16,2	начальное и ниже	15	2,8	рабочих, занятых физическим трудом	118	22,3
от 35–44	93	17,6	неполное среднее	15	2,8	служащих	203	38,3
от 45–60	252	47,5	среднее общее	43	8,1	предпринимателей	26	4,9
свыше 61 года	99	18,7	среднее специальное	180	34,0	управленцев	35	6,6
Ростовская область, июнь–июль 2012 г.			незаконченное высшее	43	8,1	пенсионеров	148	27,9
			высшее	234	44,2	кафедра Гуманитарных и социальных наук ШИ (Ф) ЮРГТУ (НПИ)		

Основные базовые выводы по результатам проекта на основе выделения основных характеристик (проявляющихся как латентные факторы) появляются в области представлений населения. Они рисуют картину, коррелирующую с концепцией Флигстина «рынка как политики» о формировании рынка как о политическом процессе. Во всяком случае, данные исследования говорят о противоположности занимаемых позиций основными социальными группами, как акторами, участвующими в процессе. Большой интерес представляют результаты факторного анализа семейных ценностей россиян, из которых легко выделяются и коммунитарные составляющие интересующие нас. Из восьми выделенных в исследовании факторов, объясняющих 54,6% совокупной дисперсии (см. таблицу 3), три, так или иначе, можно интерпретировать в связи с коммунитарными представлениями — 2-й (объясняющий 8,4% дисперсии), 3-й (7,9% дисперсии), 7-й (5,2% дисперсии), всего 21,5% дисперсии. Два фактора (2 и 3 — 16,3% дисперсии) характеризует приверженность патернализму в семейных отношениях, с разными векторами направленности — от взрослых детей к родителям, и наоборот, один (7) — гендерное распределение ролей в семье, интересующее нас не столько со стороны большей ответственностью за семью и детей лежащей на женщине, сколько данными по другим коммунитарным значимым утверждениям межпоколенных отношений, содержащихся в нем. Указания на основные инструментальные подходы и полученные результаты проекта, интересные для нашей темы и анализа, были сведены нами в таблицу (см. табл. 3). Поскольку в основе теории второго демографического перехода лежит гипотеза о том, что изменения моделей демографического поведения в конечном итоге являются следствием идеологических изменений, отражающих долговременную тенденцию роста личностной автономии и скептицизма по отношению к государственным институтам и институтам вообще [9; 10; 11; 12], важным маркером второго демографического перехода могут служить мнения российских респондентов о том, какую ответственность должна нести семья и общество по отношению к группам населения, требующим социальной поддер-

жки. Это важный момент для формирования пенсионного рынка и анализа по модели Флигстина [13]. Сначала прослеживаются демографические и гендерные различия, и, по возможности, переформулируются в интересующем нас аспекте данные, полученные проектом РиДМиЖ — 2007. Здесь, положительное значение фактора свидетельствует о приверженности респондентов данной стратегии, отрицательное значение, соответственно, об обратном.

Чем выше значение фактора, тем более значим он для данной группы, и наоборот, чем ниже значение, тем он менее значим. Значимых гендерных различий в приверженности к патернализму в семейных ценностях (фактор 2, 3) не наблюдается. Но вместе с тем, по фактору патерналиста «взрослые дети родителям» у мужчин значение некоторой приверженности, у женщин — некоторой отрицательности. Значимыми показаны гендерные различия в факторе «большая ответственность женщин в семье» (фактор 7). Причем, картина — полярная. Высокое положительное значение, как осознание ответственности, демонстрируют женщины, и отрицательное, и думается не в ответственности, а в гендерной роли — мужчины. Ответы женщин также свидетельствуют о том, что они чаще готовы отказаться от карьеры в пользу семейной жизни и готовы брать на себя большую ответственность за семью. Степень приверженности к коммунитарным семейным ценностям достаточно сильно дифференцирована в зависимости от возраста респондента, причем ответы подчиняются практически линейной зависимости. Если самые молодые респонденты (в возрасте 18–29 лет) поддерживают какую-либо стратегию поведения в сфере семейных отношений, то респонденты в возрасте 30–39 лет также будут ее поддерживать, но в меньшей степени. С другой стороны, у самых старших респондентов (в возрасте 69 лет и старше) мы будем наблюдать высокое отрицательное среднее значение данного показателя, а у респондентов в возрасте 50–59 лет его значение также будет отрицательным, но более низким. Реакция респондентов в возрасте 40–49 лет почти всегда является нейтральной, но вектор реакции, как правило, такой же, как у более молодых респондентов. В отличие от респондентов стар-

Таблица 3

Результаты факторного анализа коммуитарных ценностей российского населения как части семейных (метод главных компонент, вращение варимакс)* [13]

№	Факторы: Переменные, входящие в состав фактора с максимальной нагрузкой (выделены жирным шрифтом):	2	3	7
		Патернализм: взрослые дети — родителям	Патернализм: родители — взрослым детям	Гендерные роли в семье: большая ответственность женщины
12	Бабушки и дедушки должны заботиться о своих внуках, если их родители не могут этого сделать	0,176	0,751	-0,05
13	Родители должны оказывать денежную помощь своим взрослым детям, если у тех возникают финансовые проблемы	0,162	0,835	0,025
14	Если взрослые дети оказываются в затруднительном положении, родители должны изменить свою жизнь так, чтобы помочь детям	0,122	0,768	0,231
15	Дети должны брать на себя ответственность за заботу о престарелых родителях, когда те нуждаются в помощи	0,759	0,096	-0,132
16	Дети должны организовать свою работу так, чтобы она не мешала им заботиться о престарелых родителях	0,6	0,175	0,344
17	Когда родители нуждаются в помощи, дочери должны брать на себя большую ответственность за это, чем сыновья	0,198	0,129	0,707
18	Дети должны оказывать денежную помощь родителям, когда у родителей возникают финансовые проблемы	0,744	0,151	-0,018
19	Дети должны жить вместе с престарелыми родителями, когда те уже не могут сами ухаживать за собой	0,669	0,125	0,258
	Значимая компонента информативности фактора максимальной нагрузки (% объясненной дисперсии)	2,172	2,354	0,707

Окончание таблицы 3

	Суммарная информативность значимой компоненты максимальной нагрузки	5,296		
	Общая значимая компонента фактора	2,83	3,03	1,365
	Суммарная значимость компонентных факторов	7,225		
27	Информативность факторов (% объясненной дисперсии), всей выборки	8,4	7,9	5,2
	Суммарная информативность коммуитаристских факторов	21.5		

* Выборка из данных второй волны лонгитюдного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проведенного в 2007 г. (далее — РИДМЖ — 2007). Программа обследования РИДМЖ — 2007 включала большой блок вопросов, который позволяет оценить представления и ценностные ориентации российского населения в отношении брака, семьи и воспитания детей, из которых отобрали 27 утверждений с пятью возможными вариантами ответа, выражающими степень согласия респондентов с этими утверждениями (шкала Лайкерта): «полностью не согласен», «не согласен», «и да, и нет», «согласен», «полностью согласен». Эти переменные были включены в факторный анализ, который позволил выделить основные характеристики (проявляющиеся как латентные факторы) в области представлений населения о семье и ее функциях, и проследить их выраженность в различных социальных стратах. В данной таблице представлены только утверждения и результаты факторного анализа, выделяющие характеристики, касающиеся представителей пенсионного поколения и их представлений.

шего возраста, молодежь не готова решать конфликт между работой и семьей в пользу последней. Они не склонны считать, что семья является зоной большей ответственности женщин. Патернализм «взрослые дети родителям» вызывает приверженность только у молодежи. Нейтральна группа 40–49-летних. У остальных групп отрицательное значение, как и самое отрицательное в группе 60+. Таким образом, приверженцами коммуитарных ценностей однозначно выступает молодежь. Остальные группы, и прежде всего, самые возрастные, по всей видимости, делают транслируют акцент на усилия общества. Прямо противоположная картина в факторе гендерной роли женщины в семье с её большей ответственностью. Молодежь занимает крайне отрицательную позицию. Отрицательную — представители 30–39 лет. Почти нейтральную представители среднего возраста. Старшие поколения возлагают надежды на дочерей. В целом, важным представляется тот факт, что межпоколенческие различия в установках в отношении любых других вопросов не так велики, как в вопросе привер-

женности инновационно-прагматическому подходу к браку и семье. С позиций нашего интереса такие данные следует трактовать следующим образом: молодежь далекая до пенсионного возраста стоит на позициях семейного патернализма «взрослые дети — родителям».

Все остальные поколения и особенно пенсионное возлагает надежды на общество. Представления молодых о далеком пенсионном возрасте связано не с женщинами и семьями, а с государством. У взрослых и старших поколений — только с семьей и главной ролью женщины. Две известные модели социального страхования пожилых людей, по-разному воспринимаемые в молодости и с позиций жизненного и социального опыта, продолжает активно существовать. Исследование также отметило и основание говорить о межпоколенческом сломе в установках, проходящем по поколению тех, кому сейчас 40–49 лет. Следует учитывать и то, что различия в установках могут быть связаны не столько с межпоколенческим сдвигом в системе ценностей, сколько с особенностями

экономической ситуации в России: по сравнению с сегодняшним поколением пенсионеров молодые люди имеют и более высокий уровень образования, и зачастую более высокие доходы.

Важным представляются поселенческие различия в приверженности населения тем или иным ценностям в сфере семейного поведения, отражающие коммуитарные составляющие [13]. Здесь также, чем выше среднее значение показателя, тем больше фокус ответственности смещается в пользу семьи, и наоборот, чем оно ниже — тем большая ответственность, по мнению респондентов, лежит на обществе. Результаты, полученные в ходе осуществления проекта, и анализ подтверждают такую траекторию. В основном инновационные установки в области семейного поведения, распространенные среди жителей региональных центров, не находят поддержки у сельских жителей, а реакция городских жителей чаще является нейтральной. В вопросе о семейном патернализме установки городских и сельских жителей противоположны. Первые поддерживают идею о том, что взрослые дети должны брать на себя заботу о престарелых родителях, и не согласны с тем, что родители обязаны помогать своим взрослым детям. На различия в этих установках, скорее всего, оказывает влияние экономический фактор. В отличие от ситуации в городах, где пенсионеры часто характеризуются более высокими рисками бедности, в сельской местности пенсионеры нередко являются самой обеспеченной группой населения, получающей стабильный денежный доход, поэтому выражают готовность оказывать поддержку взрослым детям, которые сталкиваются с низкооплачиваемой занятостью и безработицей. В отличие от городских жителей, респонденты, проживающие в сельской местности, чаще готовы отдать предпочтение семье в случае конфликта между работой и семейной жизнью.

При этом они значительно чаще считают семью зоной большей ответственности женщин, а идея о том, что мужчина должен доминировать в семье, не находит у них такой поддержки, как у жителей региональных центров. Два последние наблюдения, очевидно, отражают тот факт, что человеческий капитал мужчин, проживающих в сельской

местности, гораздо ниже, и женщины часто вынуждены и кормить семью, и воспитывать детей, и ухаживать за больными родственниками.

Таким образом, формы патернализма, как и гендерной роли в семье, распространяемые нами на коммуитарные составляющие, однозначно поддерживаются только жителями села. Города, в этом вопросе — или нейтральны, или отрицательно настроены. Ключевым для нашего исследования вопросом, все являются вариации в установках между социальными стратами. Поскольку возрастная структура групп, находящихся внизу социальной иерархии, как правило, смещена в сторону старших возрастов, и поскольку социальные установки людей старшего возраста сильно отличаются от установок более молодых респондентов, в проекте были введены ограничения по возрасту. В окончательную выборку были включены респонденты в возрасте 18–49 лет, поскольку, как показал предыдущий анализ, вектор ответов этих групп совпадает. То есть различия в социальных установках респондентов в зависимости от принадлежности к той или иной социальной страте, теперь не связаны с возрастом респондентов.

Полученные результаты проекта могут служить подтверждением обеих гипотез о причинах начала процесса трансформации социальных установок. Чем беднее домохозяйство, тем чаще женщинам приходится брать власть в свои руки, ухаживая за родственниками и за детьми в случае развода. Последнее наблюдение, очевидно, отражает тот факт, что человеческий капитал мужчин, проживающих в сельской местности, гораздо ниже, и женщины часто вынуждены и кормить семью, и воспитывать детей, и ухаживать за больными родственниками.

Однако если самыми активными сторонниками инновационно-прагматического подхода к браку являются наиболее образованные и обеспеченные респонденты, входящие в средний класс и особенно в его ядро, а высокий уровень поддержки стратегии инновационно-прагматического поведения в сфере брачно-семейных отношений выражают и респонденты, находящиеся на самом дне социальной пирамиды, то когда речь идет о взглядах респондентов на семейный патернализм, позиции высших и низших слоев расходятся

кардинально. Состоявшиеся представители среднего класса готовы помогать родителям-пенсионерам, которые занимают не самые высокие позиции в стратификационной шкале, а менее успешные респонденты низшего класса ожидают помощи от своих родителей. Степень поддержки утверждения о том, что взрослые дети должны помогать своим престарелым родителям, минимальна для представителей низшего класса и увеличивается по мере роста социально-экономического статуса респондента. Это еще раз подтверждает наше предположение, что позиция респондентов в вопросе направленности межпоколенческих трансфертов объясняется уровнем их экономической успешности. Аналогичные различия между высшими и низшими классами наблюдаются, когда речь идет о гендерных ролях в семье. Полученные результаты свидетельствуют о наличии обратной линейной зависимости между статусом респондента и степенью поддержки утверждения о том, что семья является зоной большей ответственности женщин. Чем беднее домохозяйство, тем чаще женщинам приходится брать власть в свои руки, ухаживая за родственниками и за детьми в случае развода. Что касается установок респондентов в вопросах значимости семейных и трудовых ролей, ядро среднего класса выступает единственной группой, не поддерживающей идею о том, что семья важнее карьеры. Таким образом, результаты этого анализа свидетельствуют: чем выше социальный статус респондентов, тем выше вероятность того, что решения, связанные с жизнью семьи, принимаются совместно респондентом и его супругом/партнером. Более того, в низших стратах человек, который принимает решения в отношении организации семейной жизни, — как правило, женщина. Это согласуется с ранее полученными результатами о том, что согласно нормативным представлениям представителей низших классов семья является зоной большей ответственности женщин. Вышеизложенные данные исследования интересно наложить на мнения российских респондентов о том, какую ответственность должна нести семья и общество по отношению к группам населения, требующим социальной поддержки. Респондентам предлагалось ответить на ряд подобных вопросов, выбрав один из пяти

вариантов ответов: 1 — «преимущественно общество», 2 — «скорее общество, чем семья», 3 — «и общество и семья в равной степени», 4 — «скорее семья, чем общество», 5 — «преимущественно семья». В таблице 4 представлены средние значения для каждого вопроса, рассчитанные на основе ответов представителей разных социальных страт. Чем выше среднее значение показателя, тем больше фокус ответственности смещается в пользу семьи, и наоборот, чем оно ниже — тем большая ответственность, по мнению респондентов, лежит на обществе. Относительно первых трех групп, требующих социальной поддержки, мнения представителей разных социальных страт консолидированы. Забота о престарелых, которым нужен уход на дому, и школьников, когда они находятся в школе, считается зоной ответственности семьи и общества в равной степени, а забота о детях дошкольного возраста — скорее прерогативой семьи.

Однако когда речь идет о помощи молодым семьям с детьми и пожилым людям, живущим очень бедно, респонденты в целом смещают фокус в сторону большей ответственности общества, и тем сильнее, чем ниже их собственный социальный статус. В этом случае наблюдаемые средние значения показателей для представителей обобщенного среднего класса и особенно его ядра гораздо выше средних по выборке. Этот результат подтверждает результаты, полученные в ходе факторного анализа, которые говорят о том, что установки представителей среднего класса смещены в сторону индивидуализма, а не патернализма.

Относительно первых трех групп, требующих социальной поддержки (возрастные группы до 60 лет), мнения представителей разных социальных страт консолидированы. Забота о престарелых, которым нужен уход на дому, и школьников, когда они находятся в школе, считается зоной ответственности семьи и общества в равной степени, а забота о детях дошкольного возраста — скорее прерогативой семьи. Однако когда речь идет о помощи молодым семьям с детьми и пожилым людям, живущим очень бедно, респонденты в целом смещают фокус в сторону большей ответственности общества, и тем сильнее, чем ниже их собственный социальный статус. В

Таблица 4

Средние значения по стратам при ответе на вопрос о том, кто должен нести ответственность за категории населения, нуждающиеся в социальной поддержке [13]

Кто должен	Итоговая шкала классов *							В целом по выборке
	Нижний класс	Периферия бедности	класс ниже среднего	Периферия среднего класса	полуядро среднего класса**	ядро среднего класса	обобщенный средний класс	
Заботиться о престарелых, которым нужен уход на дому	3,27	3,34	3,42	3,42	3,49	3,49	3,49	3,39
Обеспечивать денежную помощь пожилым людям, живущим очень бедно	2,21	2,17	2,18	2,25	2,38	2,50	2,41	2,22
Σ:				установки представителей среднего класса смещены в сторону индивидуализма, а не патернализма				
	<p>— чем выше среднее значение показателя, тем больше фокус ответственности смещается в пользу семьи, и наоборот, чем оно ниже — тем большая ответственность, по мнению респондентов, лежит на обществе;</p> <p>— относительно первых трех групп, требующих социальной поддержки, мнения представителей разных социальных страт консолидированы;</p> <p>— забота о престарелых, которым нужен уход на дому, и школьников, когда они находятся в школе, считается зоной ответственности семьи и общества в равной степени, а забота о детях дошкольного возраста — скорее прерогативой семьи;</p> <p>— однако когда речь идет о помощи молодым семьям с детьми и пожилым людям, живущим очень бедно, респонденты в целом смещают фокус в сторону большей ответственности общества, и тем сильнее, чем ниже их собственный социальный статус. В этом случае наблюдаемые средние значения показателей для представителей обобщенного среднего класса и особенно его ядра гораздо выше средних по выборке.</p>							

* Различия между группами статистически значимые.

** В составе среднего класса дополнительно выделены две подгруппы — ядро и полуядро (последнее отличается менее выраженной концентрацией признаков среднего класса).

§ Согласно оценкам НИСП, доля среднего класса невелика — не более пятой части населения страны, а доля низшего класса — менее 10%. Все, кто находится между ними (а это почти три четверти населения), не выразили значимой поддержки инновационным моделям поведения в сфере брачно-семейных отношений. Это дает основания считать, что для завершения второго демографического перехода в России потребуется еще достаточно много времени.

этом случае наблюдаемые средние значения показателей для представителей обобщенного среднего класса и особенно его ядра гораздо выше средних по выборке. Этот результат подтверждает результаты, полученные в ходе факторного анализа, которые говорят о том, что установки представителей среднего класса смещены в сторону индивидуализма, а не патернализма. Представители низших слоев чаще готовы отдать предпочтение семье в случае конфликта между трудовыми и семейными ролями и значительно чаще считают семью зоной большей ответственности женщин, что для среднего класса нехарактерно. В семьях представителей среднего класса решения чаще принимаются коллегиально. Наконец, представители высших страт гораздо чаще уверены в том, что помощь людям, нуждающимся в социальной поддержке, является прерогативой семьи, а не общества. Это также свидетельствует о большей приверженности личной автономии, которая является характерной чертой второго демографического перехода.

Таким образом, поведенческие настроения россиян в отношении коммунитарной и солидарностной функций семьи развиваются в рамках общих глобальных тенденций, и реформирование нынешней пенсионной системы не должно сводиться только к переходу к накопительной модели и повышению возраста выхода на пенсию, но, повышая материальное обеспечение семей и пенсионеров, следует способствовать процессам ресоциализации и рынка пенсионных услуг как направления социальной работы связанного с широким участием самих жителей в решении собственных проблем на основе взаимопомощи и кооперации.

Литература

1. Григорьев И. Социальное обслуживание пожилых и развитие сообществ: применим ли западный опыт в России? [Электронный ресурс] / Журнальный зал. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2005/3/2005_3_9.html, свободный. — Загл. с экрана.
2. Abrahamson P. Social policy in changing Europe. — Roskilde, 1993.
3. Флигстин Н. Рынки как политика: политико-культурный подход к рыночным институтам. // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
4. Fligstein N. Markets as Politics: A Political-Cultural Approach to Market Institution. // American Sociological Review. — 1996. — Vol. 61. — №4. — Pp. 656–67.
5. Avdeev A., Monnier A. La nuptialité russe: une complexité méconnue. // Population. — 1999. — Vol. 54. — №4–5. — Pp. 635–676.
6. Захаров С. В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети мужчины и женщины в семье и обществе. — М.: НИСП, 2007. — 640 с.
7. Население России — 2003–2004: 11–12-й ежегодный демографический доклад. / Под ред. А. Г. Вишневского. — М.: Наука, 2006. — 356 с.
8. Население России — 2005: 13-й ежегодный демографический доклад. / Отв. ред. А. Г. Вишневский. / ГУ — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2007. — 245 с.
9. Lesthaeghe R. On Theory Development: Application to the Study of Family Formation. // Population and Development Review. — 1998.

— Vol. 24. — Pp. 1–14.

10. *Van de Kaa D. J.* The Idea of a Second Demographic Transition in Industrialized Countries. // Paper presented at the Sixth Welfare Policy Seminar of the National Institute of Population and Social Security. — Tokyo, 2002.

11. *Van de Kaa D. J.* Europe's Second Demographic Transition. // Population Bulletin. — 1987. — Vol. 42. — Pp. 3–57.

12. *Frejka T. et al.* Summary and Conclusions: Childbearing Trends and Policies

in Europe. // Demographic Research. — 2008. — Vol. 19. — Art. 2. — Pp. 5–14.

13. *Попов Д. О.* Трансформация семейных ценностей и второй демографический переход в России: кто в авангарде? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. / Под науч. ред. С. В. Захарова, Т. М. Малеевой, О. В. Синявской; Независимый институт социальной политики. — М.: НИСИП, 2009.

Поступила в редакцию

16 августа 2012 г.

Андрей Владимирович Харченко — управляющий Отделением Пенсионного Фонда России по Ростовской области, заместитель Председателя комитета по социальной политике Законодательного собрания Ростовской области.

Andrey Vladimirovich Kharchenko — head the Pension Fund of Russia Rostov Regional Office, the Deputy Chairman of Rostov Region Legislative Assembly's Social Policy Committee.

344010, г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 259
259 Varfolomeyeva st., 344010, Rostov-na-Donu, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (863) 290-41-03; факс: +7 (863) 290-41-21; e-mail: opfr@071.pfr.ru

Ольга Васильевна Бондаренко — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала) Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Автор публикаций по социальной аксиологии, социологии труда и экономической социологии.

Olga Vasiliyevna Bondarenko — Ph.D., Doctor of Sociology, professor, head of «Humanities and Social Sciences» department of South-Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute) Shakhtinsky Institute (branch). Author of numerous publications in social axiology, sociology of labor and economic sociology.

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8636) 22-59-75; e-mail: gsn@itsinpi.ru
